

**100-ЛЕТИЮ
ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ
ПОСВЯЩАЕМ**

ДЮЖИНА СЛОВ

ДИНА РУБИНА
АЛЕКСЕЙ ВАРЛАМОВ
АНДРЕЙ ГЕЛАСИМОВ
ВАСИЛИЙ АВЧЕНКО
БОРИС ЕВСЕЕВ
ГЛЕБ ШУЛЬПЯКОВ
ЕЛЕНА НЕСТЕРИНА
ЯНА ЖЕМОЙТЕЛИТЕ
ДМИТРИЙ КОСЯКОВ
ЕВГЕНИЙ БАБУШКИН
ЗДУАРД РУСАКОВ
ПАВЕЛ НИКУЛИН

Москва
2017

О
К
Т
Я
Б
Р
Ь

**СБОРНИК
РАССКАЗОВ**

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д95

Оформление серии *П. Петрова*

Дюжина слов об Октябре : сборник рассказов. —
Д95 Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. —
(100-летию Октябрьской революции посвящаем).

ISBN 978-5-699-99127-3

Сегодня, в 2017 году, спустя столетие после штурма Зимнего и Московского восстания, Октябрьская революция по-прежнему вызывает споры. Была ли она неизбежна? Почему один период в истории великой российской державы уступил место другому лишь через кровь Гражданской войны? Каково влияние Октября на ход мировой истории? В этом сборнике, как и в книге «Семнадцать о Семнадцатом», писатели рассказывают об Октябре и его эхе в Одессе и на Чукотке, в Париже и архангельской деревне, сто лет назад и в наши дни.

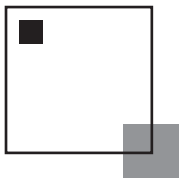
УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рубина Д., 2017
© Геласимов А., 2017
© Евсеев Б., 2017
© Варламов А., 2017
© Авченко В., 2017
© Шутьяков Г., 2017
© Нестерина Е., 2017
© Жемойтелите Я., 2017
© Косяков Д., 2017
© Бабушкин Е., 2017
© Русаков Э., 2017
© Никулин П., 2017
© Оформление.

ISBN 978-5-699-99127-3

ООО «Издательство «Э», 2017

**ДИНА
РУБИНА**

**ДОМ
ЭТИНГЕРА**

**Фрагмент из романа
«Русская канарейка.
Желтухин»**

1

Д а никакой балериной она не была! И не бывает балерин с такой грудью. Тоже мне хозяйство — балерина: полфунта жил на трудовых мослах. Нет, Эська заколачивала тапершей в синема, и заколачивала крепкими пальчиками, и востро глядела в ноты, читая с листа, а грудь у нее была, как две виноградные грозди («Песнь песней» в исполнении хора поклонников) — как виноградные грозди, созревшие свободно и сладко в ее неполные шестнадцать лет.

Спал ли некий Николай Константинович Каблуков под окнами ее дома? Вполне вероятно; да и кто бы пустил его спать в иное место? Много их околачивалось под ее окнами, любителей ноты переворачивать; возможно, кто и прилег с устатку.

Но в семье он запомнился: подаренный им кенарь по кличке Желтухин прожил ни много ни мало — да бывает ли такое?! — двадцать один год. Шутка ли? Двадцать один год, копеечка в копеечку, семья просыпалась под

надрывную песенку «Стаканчики граненые», высвистываемую Желтухиным с такими фиоритурами, что любой тенор позавидует. Немудрено, что эта песенка въелась в быт, нравы и эпос данного семейства.

Кстати, о теноре.

Изрядные голосовые достоинства (помимо прочего музыкального блеска) были присущи всем мужчинам «Дома Этингера», как говаривал сам Большой Этингер — Гаврила Оскарович, он же Герц Соломонович, но все тот же Этингер, хоть ты тресни. Так вот, немалые достоинства тенорового регистра демонстрировал и он сам, и его единственный, сгинувший в чекистском аду, но перед тем проклятый им сын Яша. ...

Вообще, если уж мы заговорили о музыке и о Доме Этингера, то надо бы захватить пригоршню времени поглубже и пошире, насколько хватит глаз; полновесной октавой взять, черпнуть глубоким ковшом, в который угодил бы даже и Соломон Этингер, тот николаевский солдат из кантонистов, трубач военного оркестра, запевала и буян, который всю жизнь утверждал, что его, десятилетнего мальчика, пойманного «ловчиком» где-то в местечке под Вильно и увезенного в телеге с такими же перепуганными еврейскими мальчиками на Урал в живодерню кантонистской рекрутчины, спас только залистый дискант, впоследствии излившийся в тенор, странно высокий для человека столь могучей комплекции; спас, подкормил и в люди вывел: «Ох, кабы не мой соловей-соловей-пташечка!»

После двадцати пяти лет военной службы (напоследок он оттрубил и отпел Крымскую кампанию) Соломон осел в местечке под Полтавой и женился на дочери местного раввина. Хроменькая девушка была и болезная по женской части, но все ж раввинская дочь. Да и он, если

трезво глянуть: солдат, конечно, хуже гоя, невежа в райских кущах святых наших книг, но все ж георгиевский кавалер, да и сорок-то целковиков кантонистской пенсии от царя-батюшки тоже, поди, на земле не валяются.

И вот, случается ж такое чудо — мощь чресел библейских старцев! — прожив в бездетном браке десять лет, уже в преклонном возрасте ухитрился родить со своей хромоножкой глазастого и ушастого сынка Герцэле и обучить его не только игре на нескольких инструментах, но и способности к выдающейся мимикрии — во всем, в том числе и в такой мелочи, как перемена места жительства, привычного окружения и имени.

— Имена — вздор, — говаривал отставной николаевский солдат. — Я тебе на свист отзовусь. Когда нас, пацанов-кантонистов, крестил полковой батюшка (в баню загнали, якобы мыться, а после окатили всех холодной водой из шаек), мне имя дали Никита Михайлов, и служил я под ним царю и России двадцать пять лет. «Отче наш» во сне отбарабаню. Ну так что ж? Какая в том беда Дому Этингера?

Стоит ли говорить, что сын его Герц — Гаврила — был, как и положено по закону, обрезан на восьмой день своей жизни, и, прислушиваясь к звенящему крику младенца, его папаша, запевала и буян, одобрительно заметил: тенор, мол. И ведь в точку попал.

Но место в оркестре знаменитого Оперного театра города Одессы Гаврила Оскарович получил в свое время вовсе не как тенор, а как — поклон папаше-кантонисту — незаурядный кларнетист.

К тому времени он был удачно женат на Доре Маранц, дочери известного в Одессе биржевого маклера Моисея Маранца, члена правления кредитного общества и ловкого хлебного спекулянта, которого не могла разорить

даже постоянная карточная игра. В приданое дочери, к нескольким недурным семейным драгоценностям, размашистый и громогласный папаша Маранц присовокупил шестикомнатную квартиру в новом доме на углу Ришельевской и Большой Арнаутской — великолепную фасадную квартиру в бельэтаже, со всеми новомодными «штуковинами»: электрическими лампами, паровым, но и каминным отоплением, ванной и туалетной комнатами и чугунной печью в просторной кухне, из которой деревянная лесенка взбегала на антресоль, в комнатку для прислуги.

* * *

Дора была женщиной изумительно стервячего нрава, зато обладала монументальным бюстом.

— Ге-е-ерцль!!! Где моя грудка-а?! — С этого начинается каждое утро.

Обслужить этот бюст могла только знаменитая одесская портниха Полина Эрнестовна: каждый год она шила Доре Моисеевне специальный лиф, напоминавший бронированное сооружение со шнуровкой. Вот его-то Дора и называла «грудкой».

Каждое утро первый кларнет оркестра Оперного театра Гаврила Оскарович Этингер, бывало, уже и одетый, и при бабочке, сжав зубы, шнуровал супругу, упираясь коленом в ее обширную поясницу. Он ненавидел «грудку», ненавидел ежеутреннее шнурование и ненавидел Дору. В те минуты, когда его сильные пальцы профессионального музыканта тянули шнуры и вязали узлы, он мечтал оказаться вдали от супружеской спальни и от Дориной откляченной задницы, приложив к губам мундштук кларнета, искоса поглядывать в ложу второго яруса, где в бархатной полутьме, смутно белея истомной

ручкой на пурпуре барьера, маячит белокурая Ариадна Арнольдовна фон Шнеллер, дочка антрепренера театра. Она всегда приходила на утренние репетиции, и ее тишайшее присутствие волновало сердца многих семейных оркестрантов. (Ну так что ж, скажем мы вслед николаевскому солдату, какая в том беда Дому Этингера?)

* * *

«Большим Этингером» Гаврилу Оскаровича за глаза почтительно называли все — коллеги, знакомые, соседи, жена, прислуга. Он и вправду был большим: два аршина двенадцать вершков росту, с красивой крупной головой, увенчанной весело рассыпчатым каштановым коком. На крышке концертного фортепьяно в гостиной стояла фотография в серебряной рамке: он с Федором Ивановичем Шаляпиным в дни гастролей того в Одессе — два великана, в чем-то даже похожих.

Была во всем облике Большого Этингера некая размашистая элегантность, непринужденная уверенность в себе, доброжелательная порывистость эмоций. Музыкантом был до кончиков длинных, нервных, с приплюснутыми «кларнетными» подушечками пальцев, и все интересы жизни сосредоточены только на ней — на Музыке! При всей оркестровой занятости преподавал в музыкальном училище по классу кларнета, состоял в попечительских советах трех благотворительных обществ, а кроме того, руководил хором знаменитой Бродской синагоги, куда на праздники и на субботние богослужения являлись даже и неевреи, даже и христианские священники — послушать игру немецкого органиста из лютеранской церкви, а также изумительные голоса, среди которых сильный драматический тенор Гаврилы Оскаровича вел далеко не последние партии.

Как известно, в начале двадцатого века Одесса была помешана на вундеркиндах. Помимо музыкального училища, в городе, как почки по весне, возникали и лопались частные музыкальные курсы. Чего стоил один только великий малограмотный Столярский со своей «школой имени мене», Петр Соломонович Столярский, часами стоявший перед детьми на коленях, ибо именно с такой «позитии» ему удобнее было наблюдать игру и исправлять ошибки.

Само собой разумеется, что детей своих, сына Якова и дочь Эсфирь, Гаврила Оскарович с детства приладил к занятиям музыкой: он всегда мечтал о семейном ансамбле.

Вообще, как все дети из приличных семейств, они, конечно, учились в гимназиях: Яша — в Четвертой мужской, на углу Пушкинской и Греческой, Эсфирь — в женской Второй классической, угол Старопортофранковской и Торговой (образцовое, заметим в скобках, учебное заведение). Кроме того, до Яшиных пятнадцати лет в семье жила Ада Яновна Рипс, дальняя родственница из Мемеля, обучавшая детей французскому и немецкому; заполошная старая дева, подверженная приступам внезапной и необъяснимой паники, она покрикивала на них то на одном, то на другом языке.

Дора считала этот метод идеальным, *жизненным*:

— Главное, чтоб за словом в карман не лезли!

— Неглубокий же тот карман! — иронически отзывался на это Гаврила Оскарович. Тем не менее дети неплохо болтали на обоих языках, чего не скажешь о самой Аде Яновне относительно языка русского. Несколько ее выдающихся фраз вошли в семейный обиход, намного пережив саму эту, похожую на встрепанную галку, старуху в пенсне. «*Уму неraftяжимо!*» — восклицала она, услышав

пикантную, радостную или горестную новость. Диагнозом чуть ли не всех болезней у нее было решительное: «*Это на нервной почке!*» Она путала понятия «кавардак» и «каламбур» («В голове у нашего Яши полный каламбур!»), «набалдашник» называла «балдахином», гостей и домашних провожала пожеланием «*ни пуха, ни праха!*», а когда в семейных застольях галантный и насмешливый Гаврила Оскарович неизменно поднимал тост за здоровье «нашей дорогой Ады Яновны, великой наставницы двух юных разбойников», — она столь же неизменно всхлипывала и страстно выдыхала: «Я перегу их, как си-ницу — окунь!»

Но все это общее *так себе образование* (включая гимназии) отец рассматривал исключительно как домашнюю уступку жене, как несущественную прелюдию к образованию *настоящему*. Ибо Гаврила Оскарович Этингер не мыслил будущего своих детей без музыки и сцены, без волнующего сумрака закулисы, где витает чудная смесь пыли, запахов и звуков: дальняя распевка баритона, разноголосица инструментов, рыдания костюмерши, которую минуту назад примадонна назвала «безрукой идиоткой», но главное, праздничный гул оживленной публики, заполняющей полуторатысячный зал, — тот истинно оперный гул, что, смешиваясь с оркестровыми всполохами из ямы, прорастает и колосится, как трава по весне.

Так что Яша *сел на виолончель*.

— Виолончель, — толковывал сыну Большой Этингер, — это воплощенное благородство! Невероятный диапазон, потрясающий теноровый регистр, напряженная мощь звука. Да, из-за огромной мензуры на ней не звучит вся эта головокружительная скрипичная акробатика; да, виртуозные пассажи выглядят чуток суетливы-

ми — вроде как дама габаритов нашей мамочки падает на руки партнеру в аргентинском танго. Но! Эта неуклюжесть с лихвой окупается качеством тембра. Никакие скрипичные «страсти в клочья» не сравнятся по накалу с яростным речитативом виолончельного *parlando*! И кто лучше виолончели создает эффект грусти? Ты можешь возразить: «А фагот?» Да, фагот потрясаяще печалится. Но где ему, бедняге, взять красоту вибрации струнных! Нет, довольно Одессе батальона младенчиков-скрипачей, — заключал он, решительно прихлопывая огромной ладонью ручку кресла. — Все это мода и глупость, а вот хороший виолончелист, что в оркестре, что в ансамбле, всегда найдет себя на нужном месте.

Шестилетнюю Эсфирь, согласно этой практичной концепции, собирались усадить за арфу (арфа — вечная Пенелопа оркестра, прядущая свою нежную пряжу), и, надо признать, лебединый изгиб сего древнего инструмента очень шел к кольчатой волне Эськиных ассирийских кудрей. Но девочка была такой крошечной, что не доставала до последних коротких струн. Тогда, делать нечего, отец отправил ее на частные фортепианные курсы Фоминой в Красном переулке, где обнаружился и расцвел один из главных ее талантов: девочка поразительно быстро читала с листа, цепко охватывая страницу многозвучным объемным внутренним слухом. Так что именно Эська оказалась тем чудо-ребенком в семье, на которого стоило ставить.

Честолюбивый Гаврила Оскарович с двойным пылом, отцовским и педагогическим, бросился — как в свое время его папаша-кантонист на редуты противника — на муштру новоявленного дуэта.

По вечерам весь двор, засаженный каштанами, катальпой и итальянской сиренью, слышал из окон квартиры в бельэтаже трубный рев Большого Этингера:

— Вступай на «раз и два и»! Не тяни! Это ж *уму нерас-
тяжимо!* Виолончель в твоих руках — как музыкальный
гроб, шарманка надоедливая! Ну, вступил же, тупица!.. —
И далее — мерный стук трости об пол и одиночные воп-
ли Яши, пронзительным дискантом протестующего про-
тив музыкального насилия.

* * *

Но, между прочим, недурной вышел ансамбль — «Ду-
эт-Этингер»: что ни говорите — отцовы гены, отцова вы-
учка, да и музыкальные связи отцовы.

Спустя пять лет упорных занятий на первом концерте
в Зале благородного собрания, что по Дворянской улице
(помещение пусть небольшое, заметил Гаврила Оскаро-
вич, однако публика порядочная, все университетские
люди), дети виртуозно исполнили довольно сложную
программу — Третью, ля-мажорную сонату Бетховена
для виолончели и фортепиано и виолончельную сона-
ту Рахманинова, — заслужив аплодисменты искушенных
ценителей. Сам трогательный вид этой артистической
пары вызывал улыбку: долговязый Яша с долговязой ви-
олончелью и малютка, едва достающая до педалей рояля
фирмы «Братья Дидерихс»; улыбка, впрочем, при пер-
вых же звуках музыки сменилась уважительным и вос-
хищенным вниманием.

Еще через год дети Гаврилы Оскаровича с успехом
концертировали в разных залах Одессы: в Император-
ском музыкальном обществе, в Русском театре, в Город-
ской народной аудитории. Уже шли переговоры Боль-
шого Этингера о летнем ангажементе в Москве и Санкт-
Петербурге, уже Полина Эрнестовна сшила для Эськи
настоящую концертную юбку со стеклярусом по подолу,